

№ 1 (183)
январь

2012

Не в силе Бог, а в правде.

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКИЙ ВЪСТНИКЪ

Газета Александро-Невского собора города Барнаула. Печатается по благословению Преосвященнейшего Максима, епископа Барнаульского и Алтайского

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОМ!

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ПОСЛАНИЕ

Святейшего КИРИЛЛА,
Патриарха Московского и всея Руси

Преосвященные архипастыри, всечестные отцы, боголюбивые иноки и инокини, дорогие братья и сестры!

В светлый и исполненный радости праздник Рождества по плоти Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа сердечно приветствую всех вас, дорогие мои.

В эту светозарную ночь мы вместе молитвенно вторим ангельскому славословию, возвещающему «великую радость, которая будет всем людям: ибо ныне родился в городе Давидовом Спаситель» (Лк. 2, 10-11).

Человечество, отвергшее Бога в грехопадении, вновь обретает возможность единства со своим Творцом и Промыслителем. Вхождение Сына Божия в мир есть Его добровольное умаление себя до готовности снизойти до мучительной позорной «смерти, и смерти крестной» (Фил. 2, 8). Бог рождается во плоти, для того чтобы явить Свою любовь людям и помочь обрести полноту бытия всякому человеку, желающему услышать Его призыв.

Именно поэтому нынешний праздник дарует нам непреложное упование на помощь свыше в самых сложных обстоятельствах нашей жизни. Бог, не оставивший Своего творения и открывший ему путь к вечности, явлен нам во Младенце Христе, беззащитном ребенке, нуждающемся во внимании и заботе.

Минувший год был непростым в жизни многих стран и народов, в том числе тех, что проживают на пространстве исторической Руси: немало трагических происшествий и катаклизмов послужили испытанием нашей веры и стойкости.

Однако сегодня главные испытания свершаются не в материальной, а в духовной области. Те опасности, которые лежат в физической плоскости, наносят урон телесному благополучию и комфорту. Осложняя материальную сторону жизни, они вместе с тем не способны нанести существенный вред жизни духовной. Но именно духовное измерение обнаруживает важнейший и серьезнейший мировоззренческий вызов нашего времени. Этот вызов направлен на уничтожение нравственного чувства, заложенного в нашей душе Богом. Сегодня человека пытаются убедить в том, что он и только он мерило истины, что у каждого своя правда и каждый сам определяет, что есть добро, а что — зло. Божественную истину, а значит, и основанное на этой Истине отличие добра от зла, пытаются заменить нравственным безразличием и вседозволенностью, которые разрушают души людей, лишают их жизни вечной. Если природные катастрофы и военные действия превращают в развалины внешнее устройство жизни, то нравственный релятивизм разъедает совесть человека, делает его духовным инвалидом, искажает Божественные законы бытия и нарушает связь творения с Создателем.

Этой опасности нам должно противостоять в первую очередь,

призывая на помощь Пречистую Деву и сонм угодников Божиих, дабы они своим заступничеством у Престола Владыки Святого и Истинного (Откр. 6, 10), почитаемого ныне в образе новорожденного Младенца, исходатайствовали для нас силы бороться с грехом, бороться «против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф. 6, 12). Обманы и миражи земного благополучия важно научиться распознавать в наших пагубных пристрастиях, в корыстных устремлениях, в соблазнах рекламы, в развлекательных и политических текстах. Важно всегда слышать голос своей совести, предупреждающей об опасности греха, уметь согласовывать свои действия с Евангельскими заветами.

Ныне, как и всегда, каждый христианин призван подтверждать своими ежедневными поступками ценность праведного образа жизни, сознательно противостоять нравственному релятивизму и культу наживы. Вокруг нас много немощных, больных, одиноких людей. Немало и таких, кто в силу экономических трудностей покинул родные места в поисках заработка и нуждается в заботе, попадая подчас в недружелюбное окружение. В проведении социальной, миссионерской, церковно-общественной работы должен участвовать каждый пастырь и мирянин. По слову святителя Иннокентия Херсонского: «Только во свете Христовом можно видеть Бога, себя и мир в истинном их виде; только по указанию Откровения небесного можно найти стезю, ведущую в вечную жизнь».

С теми, кто чает Христова утешения, мы должны разделить тепло и радость нынешнего праздника. Каждый из нас может принести свет Вифлеемской звезды ближним и дальним коллегам, друзьям, родственникам, соседям.

В минувшем году в соработничестве с государственными властями, общественными организациями, представителями деловых кругов было положено начало многим инициативам, которые могут сплотить людей, возродить твердые духовные и нравственные основы общественной жизни.

Развитию такого соработничества, также как и свидетельству о драгоценном единстве нашей Церкви, служили и совершенные мною поездки по России, Украине, Молдове. Эти посещения

обогатили мой опыт молитвы и общения с верующим народом и, надеюсь, содействовали укреплению духовных уз. В богослужениях, проходивших при участии очень большого количества людей, особым образом являлась сила веры и молитвы, что и составляет красоту Православия, красоту и мощь «единства духа в союзе мира» (Еф. 4, 3).

Поздравляя всех вас с Рождеством Христовым и Новолетием, молитвенно желаю неизменного пребывания в радости о Господе, Который воплотился, чтобы «мы по упованию соделались наследниками вечной жизни» (Тит. 3, 7). «Бог же надежды да исполнит вас всякой радостью и мира в вере, дабы вы силою Духа Святого обогатились надеждою» (Рим. 15, 13). Аминь.

**Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси
Рождество Христово 2011/2012 г.
г. Москва**

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ПОСЛАНИЕ

Преосвященнейшего МАКСИМА,
епископа Барнаульского и Алтайского

Розлюбленные о Господе всечестные пастыри, досточтимые иноки и инокини, дорогие братья и сестры!

Благовествую вам радость велию, яже будет всем людям, яко родися вам днесь Спас, иже есть Христос Господь. (Лк. 2, 10-11)

В духовной радости мы сегодня встречаем светноносный праздник Рождества Христова.

Это великое и таинственное событие открыло перед людьми путь к освобождению от греха, явило неизреченную любовь Божию к падшему человечеству, Его великое к нам снисхождение.

О великой тайне Боговоплощения говорит святитель Иоанн Златоуст: «Звезда на небе призывает волхвов, иноплеменные мужи отправляются в столь далекое путешествие, чтобы поклониться лежащему в пеленах и яслях, и пророки еще ранее предвозвещают обо всем этом. Все эти события были больше человеческих».

Сами обстоятельства Рождества в Вифлееме показывают всю высоту смирения и умаления Богочеловека Христа.

Как убога была пещера, насколько скромна была жизнь Пресвятой Богородицы и праведного Иосифа Обручника! Поклониться Родившемуся Богомладенцу в те дни пришли только восточные мудрецы, издавна ожидавшие пришествия Спасителя, и простые пастухи, показавшие силу веры и чистое сердечное стремление к богопознанию. «Уподобимся Христу, — призывает нас святитель Григорий Богослов, — ибо и Христос уподобился нам... Он воспринял худшее, чтобы дать лучшее; обнищал, чтобы нам обогатиться Его нищетою; принял образ раба, чтобы нам получить свободу; снисшел, чтобы нам вознестись; был искушен, чтобы нам победить; претерпел бесславие, чтобы нас прославить; умер, чтобы спасти; вознесся, чтобы привлечь к Себе лежащих в греховном падении».

Прошли тысячелетия, но мы, верующие XXI века, столь же трепетно переживаем совершившееся Рождество Иисуса Христа, как и христиане древности. Тем более радуемся мы потому, что нам известен весь путь Спасителя от Рождества до Воскресения, и к нам обращено Его Евангелие, указывающее путь к вечной жизни.

Возлюбленные о Господе! В этот великий праздник мы не имеем права замыкаться в своем узком кругу близких и друзей, разделяя радость праздника лишь с ними. Об этом говорил Апостол Алтая святитель Макарий (Невский), наставляя свою паству: «Если ты накормишь голодного, оденешь нагого, посетишь больного, сходишь к сидящему в темнице, то это будет так же

приятно Господу, как если бы ты Ему Самому все это сделал. Если забудем Его, то и Он не посетит нас, а без Него и праздник будет не в праздник». Что же мы можем принести родившемуся Богомладенцу Христу, какие дары приемлет

Бог, Который, по слову апостола, «есть любовь»? (Иин. 4, 16). Самым драгоценным даром Христу может явиться воспитание детей и молодежи в православной вере, забота о престарелых, больных и находящихся в местах лишения свободы.

Господь говорил, чтобы не препятствовали детям приходить к Нему (Мк. 10, 14). И перед нами сегодня стоит ответственная задача указать детям и юношеству путь к Богу, научить духовному самосозиданию и служению ближним, показать радость пребывания в Церкви Христовой. Именно здесь, в Церкви, мы постигаем основы духовной жизни, здесь получаем благодатную помощь, приступая к Таинствам, здесь соединяемся с Господом в Святой Евхаристии, здесь черпаем силы для исполнения заповеди о любви к ближнему.

Мы благодарим Господа за то, что в былом благолепии встают некогда порушенные храмы, и, что самое главное, возрождаются и храмы душ человеческих. Нас радуют плоды жертвенных трудов духовенства и мирян. Предстоит еще немало потрудиться, чтобы наш народ мог в полной мере приобщиться к сокровищам Святого Православия, почувствовать радость жизни во Христе и идти по пути духовно-нравственного возрождения.

Особое внимание уделяется духовному образованию и воспитанию православной молодежи, будущих пастырей Церкви Христовой. Растет и развивается духовная семинария, выпускники которой продолжают свое обучение в духовных академиях. В минувшем году мы радостно отметили пятнадцатилетие Бийской православной гимназии. Многие из ее выпускников пожелали посвятить свою жизнь служению Матери-Церкви в священном сане и поступили в Барнаульскую духовную семинарию.

Пребывая в молитве и добрых делах, поклонимся Родившемуся Богомладенцу, в трепете верующих сердец воспоем и прославим Его Рождество, испросим Его помощи, дабы пребывать нам во всяком благочестии и чистоте (1 Тим. 2, 2).

От всего сердца желаю, чтобы все вы исполнялись непрестанным ликованием о Христе Родившемся, Который да подаст Свою благодатную помощь в трудах и молитвах, укрепляя в испытаниях и награждая вас духовной радостью.

Да пребывает с нами «благодать, милость, мир от Бога Отца и Христа Иисуса, Господа нашего» (2 Тим. 1, 2).

С любовью о Христе родившемся
МАКСИМ Епископ Барнаульский и Алтайский

СВЯТИТЕЛЬ НИКОЛАЙ СЕРБСКИЙ

Жив Господь наш!

Письмо одинокой женщине
о празднике
Рождества Христова

Ты жалуешься на одиночество в большом городе: столько людей вокруг тебя, словно в муравейнике, а ты чувствуешь себя, как в пустыне. Тяжелее всего в праздники. Все вокруг искрится радостью, а твое сердце сжимает тоска. Рождество и Пасха напоминают тебе пустые сосуды, которые ты наполняешь слезами. Когда праздник проходит, а до следующего далеко, тебе спокойнее. Но, как только наступает предпраздничное время, как только приходит праздник, тоска и пустота наполняют твою душу.

Чем помочь тебе? Я расскажу тебе повесть о Рождестве, которую услышал от сестры Йованки; может быть, она поможет тебе. Пусть она сама расскажет тебе так, как рассказала мне.

...Вот уже больше сорока лет живу я на свете одна. Никогда не знала я радости, кроме детских лет в родительском доме. Но никто не видел меня в печали: на людях я всегда была веселой и радостной, а оставшись одна, плакала. Все считали меня счастливой, потому что другой меня не видели. Со всех сторон слышала я от людей жалобы, от семейных и одиноких, от богатых и бедных, — ото всех. И думала: что мне жаловаться несчастным на несчастье мое и умножать печаль вокруг себя? Лучше буду казаться веселой: может быть, так я принесу больше пользы этому печальному миру, а свою тайну скрою и буду оплакивать ее наедине с собой.

Я молилась Богу, чтобы Он явился мне, чтобы подал хоть малый знак перстом Своим. Молилась так, чтобы не погибнуть от моей тайной скорби.

От всякого своего дохода я тво-

рила милостыню. Посещала больных и бедных и приносила им радость своей показной веселостью. «Я верю в Тебя, преблагий Господи, — говорила я часто, — но прошу Тебя, явись мне, как Сам хочешь, чтобы окрепла вера моя. Верую, Господи! Помоги моему неверию», — повторяла я евангельскую молитву. И в самом деле Господь явился мне.

Мне было тяжелее всего по великим праздникам. После богослужения я запиралась в комнате и плакала целый день, и в Рождество, и в Пасху. Но на прошедшее Рождество явился мне Господь. А было это так. Приближался день великого праздника. Я решила приготовить все, как когда-то учила меня мама. Я постелила на пол солому, бросила в каждый угол по три ореха: да будет милость Святой Троицы во всех четырех концах света. Исполняя все это, непрестанно молилась: «Господи, пошли мне гостей, но совсем бедных и голодных! Прошу Тебя, явись мне в образе обездоленных!». Иногда приходил помысл: «Безумная Йованка, каких гостей ждешь в Рождество! Этот святой день все встречают в своем доме, кто бы мог посетить тебя?». И я снова плакала и плакала, и повторяла молитву, готовила и плакала.

Когда я вернулась из храма с рождественской службы, зажгла в комнате свечу, собралась на стол угощение и стала ходить по комнате. «Господи, не оставь меня!» — молилась я. Но на пустынной улице не было прохожих: Рождество! Наша улица безлюдна. Вдруг снег скрипнул под ногами, я — к дверям! Не мой ли гость? Нет, прошел мимо. Часы пробили полдень, а я одна. Я заплакала и воскликнула: «Сейчас вижу,

Господи, что оставил Ты меня!». И рыдала, и плакала, как вдруг!.. Вдруг кто-то постучал в дверь, и я услышала охрипший от слез голос: «Поддай, брат! Поддай, сестра!». Я вскочила и открыла дверь, передо мной стоял слепой с поводырем, оба в лохмотьях, продрогшие. «Христос родился, братья мои!» — воскликнула я радостно. «Воистину родился! — растрогались они в ответ. — Помилуй нас, сестра! Не просим мы денег, с самого утра никто не подал нам хлеба, только глоток ракии или копейку, а хлеба — никто. Мы очень голодны». Я, словно на небесах, провела их в комнату, усадила за стол и служила им, плача от радости. Они удивленно спросили: «Почему плачешь, сестра?». — «От радости, братья, от чистой и светлой радости! Господь дал мне то, о чем просила Его. Вот уже несколько дней молюсь Ему, чтобы послал мне таких, как вы, гостей, и вот, послал. Не просто вы пришли ко мне: преблагий Господь послал вас. Он явился мне сегодня с вами. Это самое радостное Рождество в моей жизни. Сейчас знаю: жив Господь наш!». — «Слава Ему и хвала! Аминь», — ответили мои гости. Я оставила их у себя до вечера, потом, наполнив их торбы снедью, проводила.

Таким было Рождество Христово для Йованки. Дай, Боже, в этом году будет еще радостнее. Помолись и ты, чадо, чтобы явился тебе Отец Небесный, у Него много милости: и тебе чудо будет. Не готовься к скорби в этот святой день — готовься к радости. И Всеведущий, Всемиловитый сотворит тебе радость.

По страницам книги
«Миссионерские письма»

Почему на Рождество ставят елки, и причислены ли к лику святых библейские волхвы? Как православие относится к старинным рождественским гаданиям, и можно ли в святки молиться за усопших? На эти и другие вопросы отвечает опытный духовник, насельник Сретенского монастыря иеромонах Иов (Гумеров).

В который раз уже перечитываю Евангелие он Матфея, и вдруг обратил внимание на первые два стиха второй главы. Каким образом волхвы могли прийти с востока к звезде, которую видели на востоке? Волхвы должны были либо прийти с запада к звезде на востоке, либо звезда была на западе, либо нечто другое имеется ввиду. Разъясните, пожалуйста.

Юрий

«Ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему» (Мф.2:2). Вопрос возник из-за синтаксических особенностей приведенного стиха. Слово восток надо отнести не к звезде, а к волхвам: видели звезду Его [находясь] на востоке и пришли поклониться Ему.

Звезда же была не астрономическим явлением, а «невидимой силой, принявшей вид звезды»

(святитель Иоанн Златоуст), «божественной и ангельской силой,

явившейся в образе звезды» (блаж. Феофилакт). Св.

Иоанн в подтверждение приводит такие соображения: 1.

Необычен ее путь: текла от севера на полдень (юг). Она вела волхвов из Иерусалима в Вифлеем, который находится южнее. 2. Она является

не ночью, а днем. Ночью звезды не видно. 3. Звезда является, затем скрывается, а потом появляется вновь. 4. Звезда указывает место не с высоты, а опустилась

вниз: обыкновенная звезда не может показать такое малое место как вертеп.

Есть еще одно объяснение данного стиха. Греческое слово *anatole* и славянское *восток* имеют два значения: Первое — сторона света и второе — восход, исток. При таком объяснении стих может быть прочитан так: «мы видели восход звезды Его».

Скажите, пожалуйста, причислены ли к лику святых библейские волхвы Каспар, Мельхиор и Валтасар? Заранее благодарю.

Денис

В Православной Церкви не было специального прославления волхвов, принесших дары Младенцу Иисусу, однако их благочестие и любовь к Богомладенцу вызывают самое высокое уважение. В Минологии Василия II (976-1025 гг.) на день праздника Рождества Христова упомянуто

событие: поклонение волхвов. У западных христиан в праздник Богоявления (6 января по григорианскому календарю) центральным событием является воспоминание явления звезды восточным волхвам или царям (по европейскому поверью они были царями) в момент рождения Иисуса Христа. Поэтому праздник Богоявления назван также *Festum magorum* (праздник волхвов), или *Festum regum* (праздник царей). Имена волхвов (Каспар, Мельхиор и Валтасар) впервые встречаются у Беды Достопочтенного.

«О мудрецах, пришедших поклониться Богомладенцу, достоверно известно только из святого Евангелия: войдя в дом, увидели Младенца с Мариною, Матерью Его, и, пав, поклонились Ему; и, открыв сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну» (Мф.2:11).

«Они пришли с востока» (Мф.2:1). Из какой страны были волхвы определенно сказать невозможно: скорее всего, из Персии или Вавилонии. В этих странах были известны мессианские ожидания иудеев благодаря пророку Даниилу, книга которого хорошо была известна персам и халдеям.

Согласно преданию, впоследствии волхвы стали христианами. Их крестил св. апостол Фома, который благовествовал в Парфии и Индии.

Они стали проповедниками Евангелия. В западных преданиях говорится даже о рукоположении их св. апостолом Фомой в епископов. Говорится также о том, что

их мощи были обреты св. царицей Еленой и положены в Константинополе. Позже при миланском епископе Евсторгии в 5-м веке они бы перенесены в Медиолан. В настоящее время золотой ковчег с их мощами находится в Кельнском соборе.

Дары, которые волхвы принесли Младенцу Иисусу, бережно сохранила Божия Матерь. Перед Своим блаженным Успением она передала их Иерусалимской Церкви. Сейчас дары Волхвов благоговейно хранятся в монастыре в нескольких небольших мощевиках: 28 небольших золотых пластин в форме трапеции, четырехугольника и многоугольника, украшенных изящным, филигранно выполненным, орнаментом. Это — золото, которое принесли волхвы Богомладенцу как Царю. Кроме этого хранится около 70 небольших, величиной с маслину, шариков ладана и смирны. Святые эти сильно благоухают. Иногда от них происходит исцеление бесноватых.

Согласно преданию, впоследствии волхвы стали христианами. Их крестил св. апостол Фома, который благовествовал в Парфии и Индии.

Они стали проповедниками Евангелия. В западных преданиях говорится даже о рукоположении их св. апостолом Фомой в епископов. Говорится также о том, что

их мощи были обреты св. царицей Еленой и положены в Константинополе. Позже при миланском епископе Евсторгии в 5-м веке они бы перенесены в Медиолан. В настоящее время золотой ковчег с их мощами находится в Кельнском соборе.

Дары, которые волхвы принесли Младенцу Иисусу, бережно сохранила Божия Матерь. Перед Своим блаженным Успением она передала их Иерусалимской Церкви. Сейчас дары Волхвов благоговейно хранятся в монастыре в нескольких небольших мощевиках: 28 небольших золотых пластин в форме трапеции, четырехугольника и многоугольника, украшенных изящным, филигранно выполненным, орнаментом. Это — золото, которое принесли волхвы Богомладенцу как Царю. Кроме этого хранится около 70 небольших, величиной с маслину, шариков ладана и смирны. Святые эти сильно благоухают. Иногда от них происходит исцеление бесноватых.

Согласно преданию, впоследствии волхвы стали христианами. Их крестил св. апостол Фома, который благовествовал в Парфии и Индии.

Они стали проповедниками Евангелия. В западных преданиях говорится даже о рукоположении их св. апостолом Фомой в епископов. Говорится также о том, что

их мощи были обреты св. царицей Еленой и положены в Константинополе. Позже при миланском епископе Евсторгии в 5-м веке они бы перенесены в Медиолан. В настоящее время золотой ковчег с их мощами находится в Кельнском соборе.

Дары, которые волхвы принесли Младенцу Иисусу, бережно сохранила Божия Матерь. Перед Своим блаженным Успением она передала их Иерусалимской Церкви. Сейчас дары Волхвов благоговейно хранятся в монастыре в нескольких небольших мощевиках: 28 небольших золотых пластин в форме трапеции, четырехугольника и многоугольника, украшенных изящным, филигранно выполненным, орнаментом. Это — золото, которое принесли волхвы Богомладенцу как Царю. Кроме этого хранится около 70 небольших, величиной с маслину, шариков ладана и смирны. Святые эти сильно благоухают. Иногда от них происходит исцеление бесноватых.

Согласно преданию, впоследствии волхвы стали христианами. Их крестил св. апостол Фома, который благовествовал в Парфии и Индии.

Они стали проповедниками Евангелия. В западных преданиях говорится даже о рукоположении их св. апостолом Фомой в епископов. Говорится также о том, что

их мощи были обреты св. царицей Еленой и положены в Константинополе. Позже при миланском епископе Евсторгии в 5-м веке они бы перенесены в Медиолан. В настоящее время золотой ковчег с их мощами находится в Кельнском соборе.

Дары, которые волхвы принесли Младенцу Иисусу, бережно сохранила Божия Матерь. Перед Своим блаженным Успением она передала их Иерусалимской Церкви. Сейчас дары Волхвов благоговейно хранятся в монастыре в нескольких небольших мощевиках: 28 небольших золотых пластин в форме трапеции, четырехугольника и многоугольника, украшенных изящным, филигранно выполненным, орнаментом. Это — золото, которое принесли волхвы Богомладенцу как Царю. Кроме этого хранится около 70 небольших, величиной с маслину, шариков ладана и смирны. Святые эти сильно благоухают. Иногда от них происходит исцеление бесноватых.

Согласно преданию, впоследствии волхвы стали христианами. Их крестил св. апостол Фома, который благовествовал в Парфии и Индии.

Они стали проповедниками Евангелия. В западных преданиях говорится даже о рукоположении их св. апостолом Фомой в епископов. Говорится также о том, что

их мощи были обреты св. царицей Еленой и положены в Константинополе. Позже при миланском епископе Евсторгии в 5-м веке они бы перенесены в Медиолан. В настоящее время золотой ковчег с их мощами находится в Кельнском соборе.

Дары, которые волхвы принесли Младенцу Иисусу, бережно сохранила Божия Матерь. Перед Своим блаженным Успением она передала их Иерусалимской Церкви. Сейчас дары Волхвов благоговейно хранятся в монастыре в нескольких небольших мощевиках: 28 небольших золотых пластин в форме трапеции, четырехугольника и многоугольника, украшенных изящным, филигранно выполненным, орнаментом. Это — золото, которое принесли волхвы Богомладенцу как Царю. Кроме этого хранится около 70 небольших, величиной с маслину, шариков ладана и смирны. Святые эти сильно благоухают. Иногда от них происходит исцеление бесноватых.

Скажите, пожалуйста, как давно и откуда появилась традиция Рождественской ёлки в Православии, с чем она связана?

Фотиния

Появление обычая ставить в домах ель в праздник Рождества Христова предание связывает с именем апостола Германии св. Бонифацием (754 г.). Проповедуя среди язычников и рассказывая им о Рождестве Христовом, он срубил дуб, посвященный богу грома Тору, чтобы показать язычникам, насколько бессильны были их боги. Дуб, падая, повалил несколько деревьев, кроме ели. Бонифатий назвал ель деревом Младенца Христа. По-видимому, сначала ель ставилась в праздник Рождества Христова без украшений. Она сама, стройная, красивая, источающая густой приятный запах, была украшением дома. Обычай наряжать ель появился после Реформации в протестантских странах.

В России установление елки, по-видимому, восходит ко времени правления Петра I-го. Православная церковь праздновала начало новолетия 1-го сентября в память победы, одержанной Константином Великим над Максентием в 312 г. В 1342 году при митрополите Феофане решено было начинать как церковный, так и гражданский год с 1-го сентября.

1700 год в России отметили дважды. Сначала 1 сентября. А 20 декабря 1699 г. Петр I принял указ «о праздновании нового года». Он приказал перенести начало года с 1 сентября на 1-е января 1700 г. Вместе с тем Петр I повелел в этот день украсить дома «сосновыми, словыми и можжевеловыми ветвями, по образцам, выставленным в Гостином дворе; в знак веселья друг друга обязательно поздравлять с новым годом». На Красной площади были устроены огненные потехи.

Введенный Петром I обычай приживался с трудом. Еще в начале XIX века елки ставились только в домах петербургских немцев. И только в 40-е годы XIX столетия елка стала входить в быт русского общества. Об этом можно судить по рассказу Ф.М. Достоевского «Елка и свадьба», опубликованного в сентябрьском номере «Отечественных записок» за 1848 год: «На днях я видел свадьбу... но нет! Лучше я вам расскажу про елку. Свадьба хороша; она мне очень понравилась, но другое происшествие лучше».

С началом гонений на Православие в немилость попала и Рождественская елка. Ставить ее в доме стало опасно. Но вот 28 декабря 1935 года в газете «Правда» появилась статья «Давайте организуем к Новому году детям хорошую елку!» Автором ее был секретарь ЦК ВКП(б) П. П. Постышев, с января 1933 г. он был вторым секретарем ЦК КП(б). П.П. Постышев вместе с В.М. Молотовым был организатором голода, унесшего на Украине 3,5-4 млн. людей (в том числе сотни тысяч детей). Через два года он проявляет особую

заботу том, чтобы дети весело проводили новый год. Это был период «безбожной пятилетки» (1932-1937). Активно создавали обряды для новых праздников, чтобы полностью отменить православные праздники. На вершине елки вместо Вифлеемской звезды появилась звезда пятиконечная.

Минули десятилетия. Миллионы детей вновь над украшенной елкой увидели путеводную звезду Вифлеема. А под ней — Богомладенца, Который родился для того, чтобы для нас окончилась духовная ночь.

Как православие относится к старинным рождественским гаданиям, принятым на Руси?

Елена

Гадания, которые совершаются в святочные дни, по своей природе не отличаются от гаданий в иное время года. Если даже люди не сознают этого, а воспринимают как экзотические игры, безобидным это дело не является, ибо слово имеет бытийную силу. Однажды сказанное, оно не исчезает, а уходит в бесконечную память Божию. На Суде оно нам будет предъявлено в оправдание и осуждение. Магическое же слово привлекает демонов, если даже человек этого не хотел. Существование на Руси гаданий в святочные дни говорит лишь о том, что некоторые греховные обычаи могут быть весьма живучими, ибо имеют в качестве почвы падшее человеческое естество. Святая Церковь настраивает своих чад и в эти дни жить полнокровной духовной жизнью согласно святой тысячелетней традиции

Что такое сочельник и что нужно делать в этот день?

Зинаида

Словом сочельник или сочевник называются дни накануне двух великих двенадцатых праздников: Рождества Христова и Богоявления Господня. Название происходит от церковно-славянского сочиво — замоченные в воде зерна пшеницы, чечевицы, гороха и ячменя. Таковую пищу по церковному уставу, полагается употреблять в сочельник. У православных христиан есть благочестивый обычай не вкушать до появления первой вечерней звезды, напоминающей о явлении звезды на Востоке (Мф.2:2), возвестившей о рождении Иисуса Христа. Уставом это не предписано. Каждый должен брать на себя подвиги по силам.

В сочельник служатся царские часы и совершается Литургия св. Василия Великого. Если сочельник придется в субботу или воскресенье, то царские часы совершаются в пятницу, а в сочельник бывает Литургия св. Иоанна Златоуста. Литургия св. Василия Великого служится в сам день праздника.

Когда в истории появилось понятие «от Рождества Христова, до Рождества Христова»?

Ирина Вячеславовна Соловьева

Летоисчисление от Рождества Христова было введено в 525 г. настоятелем одного из римских монастырей

Дионисием Малым. До этого в римской империи и в первые христианские века летоисчисление велось с 29 августа 284 года н. э. — от начала правления императора Диоклетиана (около 243-313 гг. н. э.). С победой христианства это летоисчисление стали называть эрой мучеников, так как Диоклетиан был жестоким гонителем христиан.

Дионисий Малый предложил летоисчисление вести «от воплощения Господа нашего Иисуса Христа». Согласно его расчетам Рождество Спасителя мира соответствовало 754 г. от основания Рима. Новое летоисчисление было принято Церковью при императоре Карле Великом (742-814).

Дионисий Малый по происхождению — скиф. Он был ученым монахом, хорошо знал Священное Писание, прекрасно владел латынью и греческим языком. Им были составлены сборники по каноническому праву.

Можно ли в святки молиться за усопших?

Валерий Устимов

В этот период поминовение усопших не совершается за богослужением. Однако остается молитва за усопших во

время Божественной литургии на проскомидии и дома. Святитель Афанасий (Сахаров) так комментирует устав: «Предпраздства и попраздства Рождества Христова и Богоявления отличаются от предпраздства и попраздства других двенадцатых праздников тем, что здесь совсем Октоих не поется кроме единых недель... Особый характер этих предпраздств и попраздств не мог не оказать влияния на правила поминовения в эти дни. 169-е правило Номоканона при Большом Требнике отмечает, что в двенадцатодневном... помины не бывают, так же как и в воскресные дни и в великие праздники. А так как строй и характер служб 20-24 декабря (здесь и далее — по юлианскому календарю) вполне соответствуют строю и характеру служб 2-5 января, входящих в двенадцатодневие, а строй и характер служб 7-14 января совершенно соответствуют таковым 26-31 декабря, то ясно, что во все время с 20 декабря по 15 января отменяются все заупокойные моления, не исключая и обычной литии, хотя и вечерня, и утрени имеют будничное окончание» (Поминовение усопших по Уставу Православной Церкви. Гл. 2).

По страницам сайта
Православие ру

ДЕТСКАЯ СТРАНИЧКА

Паучки и Рождественская елка

сказка

Эта история случилась давным-давно. В небольшом домике жила мать с двумя ребятами. Отец их умер, и семья была очень бедна.

В сочельник они стали наряжать ёлку, украшая ее цветными лоскутками и игрушками, вылепленными из глины, а потом пошли в храм, воспеть Рождество Христово.

А что происходило в это время у них дома? Ёлка была так хороша, что привлекла паучков, которые со всего дома сползли посмотреть на красивое, прекрасно пахнущее дерево. Они бегали по веткам, радовались украшениям и, судя по всему, были совершенно счастливы. Так счастливы, что начали плести свои паутинки, и вскоре ёлка оказалась задрапирована серыми, цвета пыли, сетями — вот какой ужас.

А с иконы на жизнерадостную возню паучков смотрел Младенец Христос. Сначала Он улыбался, но вот чело Его слегка омрачилось.

Часы на городской башне отбивали час за часом, и вскоре мать с дочкой и сыном должны были вернуться со службы, и...

Младенец Христос знал, что мать и детки будут просто убиты горем, когда увидят, во что превратилась их ёлка.

— Пора домой, — сказал Он паучкам, и они, совсем уже к этому времени сонные, отправились по своим углам.

Христос же поднял руки и благословил дерево. В одно мгновение тонкие нити, сплетенные паучками, заискрились в свете лампы, потому что стали золотыми и серебряными.

А мать с детками шли в это время по заснеженному городу и не знали, что дома их ждет самая прекрасная рождественская ёлка, какую когда-либо видел белый свет.

Перевёл с англ. и пересказал В. Григорян

Над Вифлеемом ночь застыла

Владимир Набоков во многом замечательный литератор, один из немногих, кто решился вместе с эмиграцией поменять язык своего творчества и считается ныне классиком как русской, так и англоязычной литературы. Он казался надеждой русским эмигрантам, что духовное наследие покинувших Россию не умрёт вместе с ними.

Стихотворения Владимира Владимировича Набокова, напечатанные ниже, относятся ко времени его молодости, пока были живы воспоминания детства, в котором самым дорогим праздником было Рождество Христово. «Как торопил я страстно медлительную ночь пред светлым Рождеством!...» «По английскому обычаю, гувернантка привязывала к нашим кроваткам по чулку, набитому подарками, а будила нас по случаю праздника сама мать и, деля радость не только с детьми, но и с памятью собственного детства, наслаждалась нашими восторгами при шуршащем развертывании всяких волшебных мелочей», — напишет писатель в своей автобиографии «Другие берега». Не случайно одно из первых стихотворений Набокова посвящено событию Рождества Христова. К сожалению Рождественский и вообще христианский цикл писателя очень короток — детская вера кончилась, взрослая не состоялась, хотя тоску по России, по детству, по Богу он еще долго будет воспринимать как мучительную, неизлечимую болезнь.

Предлагаем нашим читателям погрузиться ненадолго в мир религиозной поэзии В.Набокова, которая высвечивает одну из лучших граней его таланта

Увидел я: стемнели неба своды,
и облака прервали свой полет,
и времени остановился ход...
Все замерло. Реки умолкли воды.
Седой туман сошел на берега,
и, наклонив над влагою рога,
козлы не пили. Стадо на откосах
не двигалось. Пастух, поднявши посох,
ощепенел с простертою рукой,
взор устремляя ввысь, а над рекой,
над рощей пальм, вершины опустивших,
хоть воздух был бестрепетен и нем,
повисли птицы на крылах застывших.
Все замерло. Ждал чутко Вифлеем...

И вдруг в листе проснулся чудный ропот,
и стая птиц звенящая взвилась,
и прозвучал копыт веселый топот,
и водных струй послышался мне шепот,
и пастуха вдруг песня раздалась!
А вдалеке, развея сумрак серый,
как некий Крест, божественно-светла,
звезда зажглась над вспыхнувшей пещерой,
где в этот миг Мария родила.

ПРОПАВШАЯ ОВЕЧКА

Над Вифлеемом ночь застыла.
Я блудную овцу искал.
В пещеру заглянул — и было
Виденье между черных скал.

Иосиф, плотник бородастый,
Сжимал, как смуглые тиски,

Ладони, знавшие когда-то
Плоть необструганной доски.

Мария слабая на чадо
Улыбку устремляла вниз,
Вся умиление, вся прохлада
Линялых синеватых риз.

А Он, Младенец светлоокий
В венце из золотистых стрел,
Не видя матери, в потоки
Своих небес уже смотрел.

И рядом, в темноте счастливой,
По белизне и бубенцу
Я вдруг узнал, пастух ревнивый,
Свою пропавшую овцу.

ЛЕГЕНДА О СТАРУХЕ,
ИСКАВШЕЙ ПЛОТНИКА

Домик мой, на склоне, в Назарете,
почернел и трескается в зной.
Дождик ли стрекочет на рассвете, —
мокну я под крышею сквозной.

Крыс-то в нем, пушистых мухоловок,
скорпионов сколько... как тут быть?
Плотник есть: не молод и не ловок,
да, пожалуй, может подсобить.

День лиловый гладок был и светел.
Я к седому плотнику пошла;
но на стук никто мне не ответил,
постучала громче, дождала.

А затем толкнула дверь тугую,
и, склонив горящий гребешок,
с улицы в пустую мастерскую
шмыг за мной какой-то петушок.

Тишина. У стенки дремлют доски,
прислонясь друг к дружке, и в углу
дремлет блеск зазубренный и плоский
там, где солнце тронуло пилу.

Петушок, скажи мне, где Иосиф?
Петушок, ушел он, — как же так?
все рассыпав гвоздики и бросив
кожаный передник под верстак.

Потопталась смутно на пороге,
восвояси в гору поплелась.
Камешки сверкали на дороге.
Разомлела, грезить принялась.

Все-то мне, старухе бестолковой,
вспоминалась плотника жена:
поглядит, бывало, молвит слово,
улыбнется, пристально-ясна;

и пройдет, осленка понукая,
лепестки, колючки в волосах, —
легкая, лучистая такая, —
а была, голубка, на сносях.

И куда ж они бежали ныне?
Грезя так, я, сторбленная, шла.
Вот мой дом на каменной вершине,
глянула и в блеске замерла...

Предо мной, — обделанный на диво,
новенький и белый, как яйцо,
домик мой, с оливою радивой,
серебром купающей крыльцо!

Я вхожу... Уж в облаке лучистом
разметалось солнце за бугром.
Умиляюсь, плачу я над чистым,
синим и малиновом ковром.

Умер день. Я видела осленка,
петушка и гвоздики во сне.
День воскрес. Дивясь, толкуя звонко,
две соседки юркнули ко мне.

Милые! Сама помолодею
за сухой, за новой стеной!
Говорят: ушел он в Иудею,
старый плотник с юною женой.

Говорят: пришедшие оттуда
пастухи рассказывают всем,
что в ночи сияющее чудо
пролилось на дальний Вифлеем...

ВОЛЧОНОК

Один, в рождественскую ночь, скулит
и ежится волчонок желтоглазый.
В седом лесу лиловый свет разлит,
на пухлых елочках алмазы.

Мерцают звезды на ковре небес,
мерцаая, ангелам щекочут пятки.
Взъерошенный волчонок ждет чудес,
а лес молчит, седой и гладкий.

Но ангелы в обителях своих
все ходят и советуются тихо,
и вот один прикинулся из них
большой пушистою волчихой.

И к нежным волочащимся сосцам
зверек припал, пыхтя и жмурясь жадно.
Волчонку, елкам, звездным небесам —
всем было в эту ночь отрадно.

ХРАМ

Тучи ходят над горами,
путник бродит по горам,
на утесе видит храм:
три оконца в этом храме
небольшом, да расписном;
в первом светится оконце
ослепительное солнце,
белый месяц — во втором,
в третьем звездочки... Прохожий!
Здесь начало всех дорог...
Солнце пламенное — Бог,
Месяц ласковый — сын Божий,
Звезды малые во мгле —
Божьи дети на земле.

НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

ПРЕОСВЯЩЕННЕЙШИЙ ПОСЛУШНИК

Продолжение. Начало №12, 2011 г.

После кончины духовника отца Владимира архиепископа Иоанна (Максимовича), его новым духовным руководителем стал лондонский митрополит Антоний Сурожский, старый друг семьи Родзянко. Он то и сообщил отцу Владимиру, что иерархи Американской Православной Церкви аккуратно, но настойчиво хлопочут о том, чтобы вдовца-протоиерея Владимира Родзянко постараться как-нибудь убедить постричься в монахи, а после этого, за послушание, сделать его архиереем и направить в Америку — епископом в стольный град Вашингтон!

Надо сказать, что отец Владимир прекрасно знал, что истинное архиерейское служение всегда связано не с почетом и сановитостью, а с множеством ежедневных, никогда не прекращающихся забот, с полной невозможностью принадлежать самому себе и с громадным, непостижимым для мирских людей, грузом ответственности. А в русской эмиграции судьба епископа — это еще и бедность, часто доходящая до прямой нищеты. Да и возраст претендента на архиерейство к тому времени был не самый молодой — ему шел шестьдесят шестой год, из которых сорок лет он уже прослужил священником.

Но отец Владимир воспринял предложение о монашестве и епископстве как волю Божию и ответ на свои молитвы. Он осторожно согласился... Иерархи в Америке и в Англии тут же ударили по рукам — и участь отца Владимира была решена!

Перед самым монашеским постригом будущий инок вдруг задал своему духовнику митрополиту Антонию Сурожскому неожиданный и простосердечный вопрос:

— Вот, сейчас я приму от тебя, владыка, постриг. Дам Господу Богу и святой Его Церкви великие монашеские обеты. Что касается обета целомудрия — здесь для меня все понятно. С обетом нестяжания — также все ясно.

С обетом, касающемся молитвы, — тоже. А вот с обетом послушания — я ничего понять не могу!

— Как же так? — удивился митрополит Антоний.

— А вот как! — рассудительно пояснил отец Владимир. — Ведь меня сразу сделают не просто монахом, а епископом? Значит, я сам, по должности, буду распоряжаться и руководить. Кого же мне тогда слушаться? У кого прикажешь быть в послушании?

Митрополит задумался. А потом сказал:

— А ты будь в послушании у всякого человека, который встретится на твоём жизненном пути. Если только его просьба будет тебе по силам и не войдет в противоречие с Евангелием.

Отцу Владимиру такая заповедь сразу пришлась очень по душе! Хотя впоследствии тем, кто был рядом с Владыкой, приходилось совсем несладко от его всегдашней готовности к решительному и бесповоротному исполнению этого монашеского обета. В частности, я имею в виду себя. Это Владыкино святое послушание не раз оборачивалось для меня судьей каторгой!

Идем мы с ним по Москве. Дождливый, прескверный день. Мы куда-то спешим. И вдруг Владыку останавливает бабулька с авоськой.

— Ба-апошкка!.. — дребезжит она своим старческим голосом, не зная, конечно, что перед ней никакой не батюшка, а целый епископ, да еще из Америки. — Батюшка, хоть ты мне помоги — освяти комнату! Я уж третий год нашего отца Ивана прошу, а он все нейдет! Может, смилостивись, освятишь, а?

Я не успеваю и рта раскрыть, как Владыка изъявляет самую горячую готовность исполнить просьбу, как будто всю жизнь он только и ждал возможность освятить бабкину комнату.

— Владыка!.. — с упреком, но уже обреченно говорю я. — Вы ведь даже не знаете, где эта комната! Бабуля, куда ехать-то?

— Да недалеко — в Орехово-Борисово! Метро «Каширская», а оттуда минут сорок на автобусе! Недалеко! — радостно сообщает бабка.

И Владыка, оставив все наши важные дела (противоречить ему в таких случаях было бесполезно), направляется для начала через всю Москву в храм к знакомому священнику за всем необходимым для чина освящения. (Естественно, я, проклиная все на свете, тащусь за ним). А старушка (и откуда у нее силы-то взялись!), еще не веря сама себе от радости, семенит за нами и без умолку рассказывает Владыке о своих детях и внуках, которые уже давно ее не навещают.

После похода в храм, мы, в самый час пик, спускаемся в метро и с пересадками добираемся до станции «Каширская». Оттуда, как бабка и обещала, трясемся сорок минут, зажатые в переполненном автобусе, до конечной остановки. И наконец, этот потомок князей Голицыных, графов Сумароковых и баронов Мейендорфов освящает восьмиметровую комнатенку в панельной московской девятиэтажке, и делает это так же неповторимо молитвенно, величественно и торжественно,

как он всегда совершал богослужения. А потом сидит за столом рядом со счастливой бабулей (причем, оба они ужасно довольны друг другом) и нахваливает ее угощение — чай с сушками и со старым вишневым засахарившимся и костистым вареньем. А потом еще с благодарностью берет от нее — не отказывает — рублик, который она украдкой сует «батюшке» при прощании.

— Спаси тебя Господи! — говорит старушка Владыке.
— Теперь мне и умереть в этой комнатке будет сладко.

Раз за разом я видел, как Владыка Василий, с какой-то особой готовностью и с предвкушением открытия чего-то очень важного для него, в буквальном смысле отдает себя в послушание каждому, кто обращается к нему. Было видно, что кроме самой искренней готовности послужить людям за этим стоит и еще нечто совершенно особенное, ведомое только ему.

В этих размышлениях мне припомнилось, что слово «послушание» происходит от глагола «слушать». И постепенно я стал догадываться, что через это смиренное послушание Владыка научился чутко слышать и постигать волю Божию. От этого вся его жизнь становилась ни больше ни меньше как таинственной, но постоянной и совершенно реальной беседы с Богом, познанием Промысла Божиего, где Бог говорит с человеком не словами, а обстоятельствами жизни и тем, что дарует Своему собеседнику величайшую награду — быть орудием Божиим в нашем мире.

Как-то летом, в начале девяностых, в один из приездов Владыки в Москву, к нему пришел познакомиться грендерского вида молодой священник.

И сразу в карьер предложил Владыке послужить у него на приходе. Владыка, как всегда, не заставил просить себя дважды. А я понял, что у нас начинаются очередные проблемы.

— А где приход-то твой?
— спросил я, мрачно оглядывая молодого батюшку.

По моему тону грендер понял, что я ему здесь не союзник.

— Недалеко! — неприветливо сообщил он мне.

Это был обычный ответ, за которым могли скрываться необозримые пространства нашей бескрайней Родины.

— Вот видишь, Георгий — недалеко! — попытался успокоить меня Владыка.

— Не очень далеко... — уже не так бойко уточнил грендер.

— Говори, где? — сумрачно сказал я.

Батюшка немного замаялся.

— Храм восемнадцатого века, таких в России не сыщешь! Село Горелец... Под Костромой...

Мои предчувствия начинали сбываться.

— Понятно! — сказал я. — А от Костромы сколько до твоего Горельца?

— Километров сто пятьдесят... Точнее, двести... — честно признался батюшка. — Аккурат между Чухломой и Кологривом.

Я содрогнулся. И стал прикидывать:

— Четыреста километров до Костромы, потом еще двести... Кстати, Владыка, вы хоть немного себе представляете, какие там дороги — между Чухломой и Кологривом? Слушай, батюшка, а от костромского архиерея у тебя благословение на служение Владыки есть? — ухватился я за последнюю надежду. — Ведь без благословения ему в чужой епархии служить нельзя!

— Без этого я бы и не подходил, — заверил меня грендер. — Все благословения у нашего архиерея уже получены.

Таким вот образом Владыка Василий и очутился на глухой дороге по пути к затерянной в костромских лесах деревушке. Отец Андрей Воронин, так звали грендера, оказался замечательным тружеником-священником, каких много пришло в Церковь в те годы. Выпускник МГУ, он восстанавливал разрушенный храм, создал приход, школу, прекрасный детский лагерь. Путь до его деревни был действительно долог, так что спутники успели изрядно устать.

Неожиданно машина остановилась. На дороге буквально несколько минут назад произошла авария — грузовик на всей скорости столкнулся с мотоциклом. На земле в пыли лежал мертвый мужчина. Над ним в оцепенении стоял юноша. Рядом курил понурый водитель грузовика.

Владыка и его спутники поспешно вышли из автомобиля. Но помочь уже ничем было нельзя. Мгновенно ворвавшееся в наш мир торжество жестокой бессмысленности и картина непоправимого человеческого горя подавили всех без исключения людей, оказавшихся в эту минуту здесь, на дороге.

Молоденький мотоциклист, зажав в руках шлем, плакал — погибший был его отцом. Владыка подошел и обнял молодого человека за плечи.

— Я священник. Если ваш отец был верующим, я могу совершить нужные для его души сейчас молитвы.

— Да, да! — начиная выходить из оцепенения, подхватил молодой человек. — Он был верующим! Сделайте, пожалуйста, все что надо! Отец был православным. Правда, он никогда не ходил в церковь — все церкви

вокруг носносили... Но он всегда говорил, что у него есть духовник! Сделайте, пожалуйста, все как положено!

Из машины уже несли священнические облачения. Владыка не удержался и осторожно спросил молодого человека:

— Как же так получилось, что ваш отец не бывал в церкви, а имел духовника?

— Да, так получилось... Отец много лет слушал религиозные передачи из Лондона. Их вел какой-то отец Владимир Родзянко. Этого батюшку папа и называл своим духовником. Хоть сам никогда в жизни его не видел.

Владыка заплакал и опустил на колени перед своим умершим духовным сыном.

Продолжение следует

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

Валентин Зайцев

В Сан-Франциско ещё вчера, а в Тобольске уже завтра

Продолжение. Начало № № 10-12, 2010 г., № 1-12, 2011 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Встречи в Поднебесной

6

Из дому Пантелей Савельевич направился в православный храм. Но ворота церковной ограды миновал, обошёл храм и остановился с алтарной стороны. Как ни странно, ему мешал офицерский мундир, который он надел по просьбе дочери. В нём он по-настоящему почувствовал себя на секунду, может, на какое-то мгновение прежним русским офицером. И этого мгновения было достаточно, чтоб его душа рванулась на части. Побудил к этому последний поступок его с дочерью, у которой отобрал на пропой выпрошенные на улицах медяки...

А вот и Соня поднимается на паперть. Он знал: она будет молиться за него — отца своего и чувствовал себя не просто недостойным, а прегадко.

...Пантелей Савельевич покинул свой пост лишь после того, когда вечерняя служба закончилась, а из храма вышла Соня с китайским мальчиком и затерялась в толпе прихожан, рикш и различных уличных зазывал. Он почувствовал себя как никогда одиноко.

Неосознанно брёл знакомым путём — вначале по широкой, шумной улице, по которой мимо него громыхали трамваи, сновали рикши. Равнодушный взгляд Пантелея Савельича скользил по женским фигурам китайянок, закутаным в длинные халаты из тонкой ткани. А на женщин в брюках не обращал внимания. Лишь где-то далеко в мозгу проскользнуло: «Отбрали у мужиков штаны». Даже американские песенки, которые назойливо лезли в уши от патефонов, играющих в магазинах, не могли оторвать его от угрюмого бездумья.

И только когда от театров покатили рикши свои коляски, в которых сидели разодетые мужчины и белые женщины с необычными для Китая накрашенными гу-

бами, но с китайскими зонтиками, у Пантелея Савельича сжались кулаки. Ему казалось, будто перед ним проплывает отражение его былых радостей. Охваченный вечерней прохладой, он бы, наверное, захмелел от свежего воздуха, если бы не другой, более сильный хмель, который обуял его всего, тяжелил грудь, а кровь раскатисто стучала в горло и в уши, а он шёл и шёл. Шёл туда... в последний раз. Он чувствовал это, почти знал, что переступает какую-то невидимую черту. Шаг его был неуверенный, но он боролся со своим предчувствием. Шёл, как идёт человек, повинующийся чувству долга.

Привычно свернул в переулок Хутун. Здесь, среди приземистых фанз приютился белогвардейский кабачок. Бывшие офицеры меж собой называли его «Генерал Каппель», хотя сам Каппель навряд ли бы вошёл в это хмельное заведение. А если бы даже вошёл, так только для того, чтоб устыдить бывших своих офицеров, что изменили его принципам офицерской чести. Об этой чести и думал теперь Пантелей Савельич. Подсознанием и сердцем чувствовал, что идёт сегодня сюда не только для питья. А для чего ещё, и сам не знал. Бывают такие моменты, когда человек безоглядно подчиняется только своей интуиции и доверяет только сердцу своему.

Терпкий запах паров водки и тягучего дыма обволокли его. Он неторопливо направился вдоль столов. Почти все присутствующие были завсегдатаями этого питейного заведения, а потому для Баринова не только знакомы, но и порядком поднадоели, хотя скучал по ним, если некоторое время не видел их. Человек десять сидели за карточными столами. Баринов был любитель преферанса. С любопытством посмотрел, как играющие важно подбирают карты;

а те, не поворачивая головы, вскидывали на него глаза, и тут же углублялись в игру, держа её у самой манишки. Козыряя, не стучали по столу, а небрежно роняли карты на зелёное сукно. Прочие сидели по четверо за столиками с рюмками и кое-какой снедью. Баринов прошёл к буфету, выложил из кармана на стойку отнятые у дочери медяки и сел поблизости на свободное место за столик. Буфетчик, старый китаец, увидев медное кольцо, хотел было отпустить шутку, но хмурый взгляд Баринова заставил спешно налить ему водки.

Сидевший за одним столом с Бариновым штык-юнкер придвинулся к его уху. Зашептал, отдавая неприятным, горячим дыханием:

— Не желаете ли знать-с... ваше высокородие, что место-с, на которое... так сказать-с, оставлено моему давнишнему приятелю, — подобострастно шептал он. — Вы, наверное, не изволите его помнить...с Ротмистр Пропер.

— Как же, наслышан. Известный бретер.

— Подполковник, — обратился с соседнего столика полковник Потапов, — что-то вы сегодня мрачны. При мундире к тому же... Позвольте поинтересоваться: не собираетесь ли вы сегодня разрядить свой пистолет?

— Фаталист, — воскликнул пьяным голосом сидящий рядом офицер. Баринов на это ему ответил:

— Помнится, Шиллер сказал где-то: «Опасно будить льва, и страшен зуб тигра, но самое ужасное из всех ужасов — человек после кабака».

— Да что же вы находите ужасного в кабаке? — спросил полковник.

Баринову приходилось говорить громко, чтоб тугоухий полковник мог услышать за соседним столиком, а потому его голос звучал громкогласно на всё питейное заведение:

— Гибель нахожу всему духовному, всему Божественному в человеке. Безобразную замену церковных служб и общений к святым тайнам. Кабак — это безумное, ленивое, вялотекущее прозябание, которому мы придаём вид житья.

— Ведь этакой... — пробормотал кто-то, шевеля пьяно языком. — Будто тупым ножом бечёвку пилит.

В это время в кабак, как ветер, ворвался ротмистр Пропер и сразу к столу, за которым сидели Баринов, штык-юнкер и без конца облизывавший свои тонкие губы хорунжий. На Баринова это облизывание действовало раздражительно, но он сдерживался.

— Как же теперь быть-с?! — растерялся перед ротмистром Пропером штык-юнкер. — Я господину подполковнику объяснял-с, но они изволили-с... сесть-с.

— Ничего, ничего, мальй! — снисходительно молвил ротмистр и бодренько возвестил: — Где четверо, там и пятый поместится. — Он сходил за свободным стулом, поставил рядом с Бариновым.

— Не извольте беспокоиться, — то ли язвительно, то ли миролюбиво проговорил Баринов. Все знали: он недолюбливал нагловатого ротмистра. Но и ротмистр не остался в долгу:

— Пардон, я, насколько вам известно, большой любитель беспокойства. Да не упирайтесь же, подполковник. Ну-у, пардон, я же не укушу вас.

Такая вольность драчливого ротмистра суровому Баринову не могла понравиться, но он не подлил больше масла в огонь. Штык-юнкер не ведал, что Баринов и ротмистр

давно знакомы, и потому не мог догадаться об истинных отношениях этих двух офицеров. А потому на полном серьёзе представил своего приятеля Баринову:

— Господин Пропер. Ротмистр. Истинный гусар!

Пропер пожимая руку Баринова, смешливо прознёс:

— Очень приятно!

Баринов же, отнимая свою руку из руки ротмистра, буркнул:

— Очень неприятно.

Такому ответу ротмистр не придал никакого значения. Обратился ко всем, подняв рюмку с водкой.

— Помянем нашу многострадальную Расею-Расеюшку.

— Рано похоронили, — гаркнул Баринов.

— И всё же похоронили! — раздался чей-то пьяный голос.

— Господа офицеры, Россия возникнет из пепла, как птица феникс.

— Господа... с, я часто вижу во сне Россию, но скажите-с, как наяву прожить-с без неё-с? — взвизгнул штык-юнкер.

Над столом поднялся в полувоенном облачении человек с седой бородкой. Это был влиятельный когда-то в России князь. В кабаке его видят нечасто, а потому возникла тишина. Все приготовились слушать. Но речь его оказалась коротка.

— Мы не можем знать Промысла Божьего, а потому стиснем зубы и как бы уйдём в небытие.

— Уйдём, если потребует наша офицерская честь.

— За Веру, Царя, Отечество! — тянул вверх чару с водкой подбесаул. И когда все выпили, тоненько затянул:

Сияет солнца свет.

Державы нашей нет.

Но мы вернём её с годами,

Династию вернём.

— В небытие успеем уйти, господа, — воскликнул ротмистр, вставая. — И не мечтать, когда мы с годами вернём Отечество и династию, а неустанно бороться с большевиками, уничтожать их, где бы мы и они не находились.

— И как же вы намерены приводить это намерение в действие?

— А я не только намерен... Если кому-то интересно, могу доказать, что мои слова не пустые. Да, да! Мои слова не расходятся с делами. Будете слушать, что я расскажу?

— Сделайте одолжение.

7

Ротмистр не сел, а начал говорить стоя, чтоб все обзрели его и, внимая, думали: какой герой, не то, что мы — тыловые крысы, сидящие тут. А потому голос его звенел, словно трубач трубил перед боем:

— Вы думаете, чего я пришёл на вашу попойку да ещё довольно поздно? Интересная штука получается... Иду, значит, я берегом. Уже темнеться начало. Смотрю к пристани у дома уважаемого Чжао Бай-яню причаливает джонка под чёрным парусом. Выходят из неё четверо и, крадучись, сворачивают в тёмный переулочек. Я вначале подумал — кто-то из левого крыла гоминьдана. Ах, дурачки!.. Потихонечку следом. Они по-за домами, и я тем же ходом. И куда вы думаете они направились?..

К храму Земледелия. Мне вдвойне стало интересно. Я в этом храме ни разу не бывал. Захотелось узнать, что там и как. Захожу как ни в чём не бывало. Вижу, человек тридцать сидят, а перед ними те самые — из джонки. Собрание у них. Сделал вид, будто не знаю китайского языка и хочу быть с ними — китайцами. Они совсем не остерегались меня и без конца ругали гоминьдан. А разве могут порядочные люди ругать гоминьдан? Понял, что это за фрукты. Да ведь все молодые, а уже большевики! Всё выложили при мне, все свои замыслы. Вышел я в другое помещение и позвонил куда следует. Вот была потеха, когда закручивали руки за спину и связывали... Так что, господа, положена мне медаль?

— Пуля тебе положена, ротмистр! — громко проговорил Баранов.

— Позвольте...

— Нет, вы позвольте. Во-первых, вы должны уважать приютивших вас в этой стране, кто бы они ни были, а вы предали их. Во-вторых, вам следует признать сейчас же, при всех, что вы поступили недостойно русского офицера.

— Я, по-вашему, подлец?

— Вы правильный сделали вывод. В данном случае вы, ротмистр, замарали офицерскую честь.

— Я честь берегу смолodu. А предатель не я! Вы только что предались большевикам. Оскорбили мою честь. Я это так не могу оставить. Предлагаю разрядить наши пистолеты.

Баранов угрюмо взглянул на него.

— Я ж говорил, фаталист, — захохотал кто-то.

— Да будет вам, — проговорил миролюбиво полковник Потапов. — Мы в чужой стране. Надо держаться друг за друга, а не ссориться.

— Вот за это и выпьем, — поднял рюмку подпоручик Берг.

Ротмистр вскочил, крикнул разъярённо:

— Я что, мальчик вам?! Я требую сатисфакции, подполковник! Что вы как в рот воды набрали?!

— Ответ вам известен. Можете не сомневаться в нём, — равнодушно проговорил Баранов.

— Правильно, — отозвался кто-то. — Пусть вас обоих рассудит Бог.

— Заповедь «Не убий» Господь не отменял, — заметил полковник Потапов. — Подайте друг другу руку, и на этом покончим.

Последнее предложение ещё больше взъярило ротмистра.

— Вы нас неправильно поняли. Мы будем стреляться немедленно и через платок!

— Откажитесь от поединка, подполковник, — проговорил полковник Потапов. — Ротмистр-бретер. А вы — серьёзный офицер.

— Да, вы правы, полковник. С этим человеком я не только говорить, но даже стреляться не хочу. А согласился лишь потому, чтоб не выглядеть в глазах всех тут присутствующих трусом.

В это время в винном мареве появился монах с иконой, висящей на груди. В табачном дыму невозможно было разглядеть лик её. Он молча обошёл вдоль стен, подобно священнику во время каждения, и так же молча направился к выходу.

Кто-то окликнул его:

— Отец, вы бы хоть слово какое душеполезное сказали.

Монах остановился у самых дверей. В кабаке сделалось так тихо, что откуда-то, словно серебряный бисер, посыпался далёкий стрёкот цикад. И голос монаха, слабый, медленный и сильный, как шелест болотной осоки. Все замерли.

— Умоляю вас именем Господа нашего Иисуса Христа, не попустите этому времени мгновенному похитить у вас вечность, которой конца нет. Остерегайтесь зависти демонов во всякое время и их злых советов. Защищайтесь Божиим словом от их скрытых козней и прикровенной злобы, от их лжи и помышлений хульных, их тонких внушений, которые влагают в ваши сердца денно и ночью».

Чёрная фигура монаха растворилась во тьме открытой двери. В кабаке некоторое время стояла полнейшая тишина.

— Что за знамение? — послышался чей-то голос.

— Может епископ новый. Говорят, у него тоже голос невзвучный.

— Епископу делать больше нечего, как ночами по кабакам шастать.

— А я уверяю: был епископ... Новый.

— Дожили братцы-славяне. Он давно уже старожил, а мы всё называем его новым, — уныло проговорил, строя хивая сон, хорунжий.

— Я видел епископа Иоанна осенью на пристани, по моему... он.

— Кто бы ни был, а в словах его вся правда, — неторопливо начал полковник Потапов и поднялся. — Гвардейцы! Капеллевуцы! И вы казаки! Воины! Разве у нас нет фронтового опыта или опыта Гражданской войны? Почему мы, как крысы, попрятались по норам, в то время, когда Япония бомбит землю, которая нас приютила? Разве не на это намекал нам этот монах? Как мыслите, Белая гвардия?!

Полковник Потапов обвёл всех вопрошающим взглядом. Все молчали. А потом словно шелест леса послышался под напором ветра. Ветер разрастался, набирал силу... Гвалт, шум. В этой разногласице полковник смог разобрать только отдельные выкрики: «Эка, соловьём свищет...» — «А я люблю курского соловья» — «Капеллевуцы, вспомните, как мы шли в психической атаке на Чапая... Неужто мы тогда думали о пулях, поливавших нас?» — «А позвольте мне сказать... Но вначале понюхаю табачку... — Офицер достал табакерку, раскрыл её и, размахивая раскрытой табакеркой, воскликнул: — Теперь поставьте меня лицом к лицу хоть с самим Далай-Ламой, я и у него попрошу табачку понюхать...» — «Милостивый государь-с, а милостивый государь-с...» — «Да дайте хоть сказать человеку!» — «Послушайте-ка, господин хорунжий храпит как неблагородно...»

Все что-то говорили, что-то доказывали кому-то, но ни слова на вопрос полковника. То тут, то там принимались уже петь, и песня переходила в ссору, кто-то обнимался и даже троекратно лобызался...

— Одна беда, барынь нету сегодня, — выкрикнул подпоручик Берг.

Хорунжий, проснувшись, утробно икнул, пробурчал:

— Барынь? Да, да, барынь. Мальчишечник...

В кабаке частенько появлялись на танцы женщины

в непривычных для китайцев длинных юбках. И к мужской разноголосице прибавлялись визги и звонкий хохот дам. Жившие по соседству с кабаком китайцы-трудяги, работавшие по целым дням, не имели покоя. В переулке не было ни одной семьи, которая не проклинала бы этих гуляк, называя их русскими свиньями. Расходились из кабака обычно в три-четыре часа ночи и так же шумливо. Обнимая друг друга, брели неверными шагами, оглашая ночные улицы громкими голосами, хохотом и пением.

Но сегодня закончилось всё по-другому.

Ротмистр настоял на том, чтобы стреляться с Бариновым непременно в эту ночь. Драчун и забияка, он не терпел откладывать драку на какой-то неопределённый срок. И Баринов, не желая уронить офицерского достоинства, вынужден был согласиться.

Вышли во дворик. Тусклый свет фонаря едва освещал зарешённую беседку, низкорослые бамбуковые заросли и бутончики мелких роз, больше похожих на российский шиповник. Отмерили нужное количество шагов. Проверили револьверы и бросили жребий. Первому выпало стрелять Баринову. Повесили перед его лицом платок. Баринов выстрелил в воздух. Ротмистр поднял револьвер и прицелился сквозь платок.

— Ведь он и через платок убьёт его, — воскликнул кто-то из офицеров.

— Не мешать! — рявкнул ротмистр, опуская револьвер, но тут же вновь поднимая его, неторопливо целясь...

В небе послышался гул, и гул этот нарастал. Низко, почти над головами, летели невидимые в темноте самолёты. С северной стороны города вспыхнули, похожие на яркие зарницы, снопы взрывов. Быстро разрасталось зарево пожара. Офицеры сразу забыли о дуэли. Все смотрели, как огненные языки хищно лижут багровый небосклон. А взрывы не умолкали.

— Японцы... Бомбят Чапэй (фабричный район Шанхая), — проговорил полковник Потапов. — Под завалами там... Может быть, можно ещё кое-кого спасти. Господа офицеры, кто со мной?

И возгорелся тлевший воинский дух. Офицеры густой толпой повалили на улицу, почти бежали. Ротмистр, оказавшись рядом с Бариновым, успел напомнить: «Выстрел за мной!»

Едва втиснулись в трамвай.

— Господа, оплатите проезд, — обратился кондуктор.

— Какая оплата? — проговорил полковник. — Мы едем в Чапэй тушить пожары и спасать людей из-под завалов.

— Господа, положено оплатить... Господа...

У господ в карманах пусто. Все медяки свои оставили в кабаке, а потому дальнейшие требования кондуктора были не услышаны.

...Домой Баринов вернулся утром. Весь чумазый.

Жена удивлённо уставилась на него.

— Что с тобой?! Где ты был?!

— В Чапэй всем скопом поехали из кабака. Под завалами много людей. Живые есть. Всю ночь вытаскивали.

Меланья Гавриловна не спускала с него глаз.

— Мой дорогой! Смотри, как ты похорошел!

— Чумазый.

— Зато одухотворённый. Давно я тебя таким не видела.

— Приехал поднимать всех наших. Уже много откликнулось. Да и китайские солдаты взводами едут туда.

— Я с тобой.

— Сиди. Там жуть страшная. На фабриках работало много людей — мужчин, женщин и даже дети есть. Всех накрыло.

— Господи...

— Ты думаешь, там сейчас безопасно? Над головой глыбы. На чём только держатся? Рухнет какая, пыли на весь Шанхай.. Соньку оставишь сиротой.

Меланья Гавриловна уж вроде согласна была прислушаться к совету мужа, да заявила Анна Петровна.

— Из епархии я. С владыкой хотела позаниматься. Но ему не до того сейчас. Совершает панихиду по убиенным. Приехала звать вас разбирать завалы.

Против двух женщин подполковник не устоял.

...На развалинах люди — как муравьи. Вновь прибывших расставили по местам. Изредка из-под завалов раздавались стоны. Разбирали осторожно. Временами окрестность оглашали жуткие рыдания.

...В полдень, тяжело потрясая развалины и мутное небо, загрохотала японская артиллерия. Рванула шрапнель, засыпая спасателей. Ротмистр Пропер успел заметить, как Баринов ловким приёмом сбил его с ног и, сам упав на него, крепко прижал к земле, да так, что ротмистр чуть не задохнулся. Канонада закончилась, а грузный Баринов по-прежнему лежал на нём.

Пропер выполз из-под него и увидел, что Баринов мёртв.

Потом, долгие годы ротмистр Пропер не единожды вспоминал: «Баринов меня спас, прикрыв своим телом. А пуля осталась за мной. Как жить с этой пулей..?»

Белогвардейский кабак опустел. Жители близлежащих фанз вспоминали о русских офицерах уже не с проклятиями, как прежде, а с благодарностью. Один из них как-то сказал Анне Петровне: «Китайцы никогда не забудут, как русские офицеры отдали свои жизни за наш народ. А китайцы умеют помнить».

Продолжение следует

Колядки

ТЕСТО ДЛЯ КОЛЯДОК

Ингредиенты:

2,5 стакана ржаной или смеси ржаной и пшеничной муки (в соотношении 1:1), 1,5 стакана жидкости (вода, молоко, простокваша и др. в различных соотношениях), соль.

Приготовление:

Из муки, жидкости и соли замесить пресное тесто и оставить его на 20-30 мин, прикрыв салфеткой.

Затем раскатать тесто в жгут, нарезать на равные кусочки, раскатать из них тонкие лепешки и придать им круглую или овальную форму.

Положить начинку и защипнуть или просто загнуть края, сформовав изделия любой формы. Выпекать в духовом шкафу при умеренной температуре (200-220°С).

Горячие колядки смазать растопленным маслом или маслом со сметаной.

Начинки для колядок могут быть самые разнообразные — из садовых и дикорастущих ягод, фруктов, творога, моркови, картофельного пюре, свежих грибов, каш и др.

Если используется ягодный фарш, то дно «колядки» обязательно нужно присыпать крахмалом, чтобы связать сок, иначе доньшко пирога размокнет. Сверху можно присыпать ягоды сахаром.

Колядки с картошкой и окороком

Муку ржаную, пшеничную, соль, 1 ст.л. раст. масла смешать с простоквашей. Вымесить тесто. Положить в полиэтиленовый пакет и оставить на полчаса в теплом месте. Копченый окорок и лук нарезать кубиком. Пожарить на растительном масле. Картошку порезать тонкими ломтиками. Пожарить на раст. масле 15 мин. Из теста раскатать сочень, выложить начинку и вылепить колядку. Противень застелить пекарской бумагой. Смазать маслом. Выложить колядки. В каждую налить 1 ч.л. сметаны. Выпекать в разогретой духовке 30 мин. Готовые колядки обязательно смазать растопленным сливочным маслом, иначе будут сухими.

Колядки — калитки — это маленькие выпечные изделия из ржаного пресного теста с различными начинками, которое выпекали к Рождеству Христову, дабы одаривать колядовальщиков, ходивших по дворам на святках и певших величающие песни. Колядки готовились нашими прабабушками на Новый год и Рождество Христово.

Колядки ели и в другие праздничные дни, а также во время постов. Особенно любили их дети. В зависимости от вида начинок колядки подавали к супам или к чаю и молоку.

Духовно-просветительская газета

Зарегистрирована Западно-Сибирским управлением Госкомпечати. Регистрационное свидетельство № Г-1453.

Учредитель: Александро-Невский собор города Барнаула, настоятель протоиерей Александр Войтович.

Редактор: протоиерей Сергей Фисун. Верстка: Наталья Мутовкина

Адрес редакции и издателя: 656054, г. Барнаул, ул. А.Петрова, 221. Тел. 40-28-81.

E-mail: vestnik@ab.ru Подписной индекс 73652. Тираж 1500 экз. Сдано в печать 26.12.11. Выход по графику 26.01.12

Отпечатано в типографии «ПринтЭкспресс», г. Барнаул, ул. Кирова, 47. Цена свободная.